

Лидия Либединская: *Сегодня, -1995, -8 сент. - с. 10.* уж если заводить роман с классиком, я бы предпочла Герцена

Татьяна Рассказова

— Лидия Борисовна, из ваших мемуаров «Зеленая лампа» следует, что вы принадлежите к клану Толстых, но в какой степени родства состоите со Львом Николаевичем — непонятно. Вы и сами этого в точности не знаете или воспользовались фигурой умолчания из скромности?

— Просто мне с детства внушали, что нечего хвастаться родственниками: «Сама что-нибудь сделай — тогда будешь рассказывать».

— Выходит, теперь уже можно?

— Теперь, пожалуй, можно. Если вы помните старого графа Ростова из «Войны и мира», то его прообразом послужил дед Льва Николаевича — Илья Андреевич Толстой. У него был родной брат, Василий Андреевич, — это мой прапрадед. Василий Андреевич и его сын Евгений Васильевич еще поддерживали отношения со Львом Николаевичем, а уже дед мой приезжал в Ясную Поляну только однажды: посоветоваться, надо ли жениться. Лев Николаевич сказал, что не надо.

— В принципе?

— Нет, именно в этом конкретном случае. «Когда вы по-настоящему захотите жениться, совета ни у кого спрашивать не станете». Дед все-таки женился на бабушке, они родили двоих сыновей, старшим был мой отец.

— Ваш батюшка имел смелость (или безрассудство) пользоваться в советское время визитными карточками с изображением короны и надписью: «Граф Борис Дмитриевич Толстой», под которой от руки было прибавлено: «Сотрудник Госплана РСФСР». Неудивительно, что в конце концов он был арестован. Удалось ли ему выжить в заключении?

— Когда в 34-м году убили Кирова, до всех дворян начала выгнать с работы. Устроиться на службу в Москве было невозможно, и отец уехал в Алма-Ату. В 37-м последнее мамино письмо вернулось с полугорюющей пометкой на конверте: «Адресат сидит». В 66-м, когда вышла моя книжка «Зеленая лампа», я получила письмо от человека, на руках которого отец умер в 42-м году в лагере под Красноярском.

Этот человек писал, с каким достоинством отец держался. Все знали, что он юрист, и приходили к нему по ночам: он всем составлял прошения, хотя это было запрещено. Существовало даже лагерное поверье, что если напишет он, то прошение непременно поможет...

— В свое время вас не приняли в пионеры: а) за дворянское происхождение; б) за то, что семья когда-то дружила с «буржуазным поэтом Хлебниковым»; в) за то, что вас крестил «эмигрант Вячеслав Иванов»; и г) за то, что бабушка говорила по-французски. Услышав об этом, бабушка ринулась в школу со словами: «Я не только французский, я еще латынь и греческий знаю!» — и отстояла справедливость. Случалось ли и вам выступать в аналогичной ситуации?

— Добиваться справедливости? Я постоянно этим занимаюсь в отношении музеев. Но странное бывает: стоит ей восторгаться, как ситуация оборачивается совершенно абсурдом. После долгих мытарств открыли, например, музей декабристов, но началась такая склока, что он уже закрылся. Выгнали толкового, на мой взгляд, директора. Он азербайджанец, и потомки декабристов брюзжали: неужели, мол, нельзя найти русского, представляете? Нынешнее дворянское общество — не приведи Бог! Да и с цветаевским музеем...

— А там какие проблемы?

— Ужасная директорша. Она в свое время сделала очень много хорошего, но теперь... Выгнала Мнухина, который всю жизнь занимается Цветаевой. Другие сотрудники собираются уходить сами. И хуже всего, что музея-то практически нет: она непрофессиональный музейщик и не понимает элементарных вещей. Там есть, например, коврик, который Аля — Ариадна Сергеевна — вышивала своими руками. Так Катаева-Лыткина утверждает, что это мешанство, и держит его в запасниках. Зато купили и постелили какой-то роскошный узбекский ковер. Ну полный маразм, согласитесь.

— Когда-то перед войной Крученых позначкомил вас с Мариной Ивановной Цветаевой, и вы даже провели целый день втроем в Кусково. Не показалась ли вам Цветаева высокомерной, подозрительной, может быть, неадекватной обстоятельством?

— В одном из ее писем есть приблизительно такие слова: «Дайте мне покой и радость, дайте мне быть счастливой, и вы увидите, как я это умею». Мне страшно повезло: я видела, как она это умеет. Был какой-то безмятежный день, первый солнечный день после длинной дождливой весны 41-го года. Красота кукуцкого дворца и парка, катание на лодке на нее действовали как нельзя лучше. К тому же, Крученых торжественно объявил, что заказал обед своей хозяйке, и, необыкновенно расположенные друг к другу, мы отправились есть свежие щи с мясом. Я смотрела на Цветаеву с обожанием, а, кажется, ей как раз и нужны были люди, которые бы ее просто любили, ей, по-моему, хотелось даже не литературного, а простого человеческого общения. Иначе почему она предложила позаниматься со мной французским?

— Существует ли для вас фундаментальный нравственный запрет, который вы либо усвоили от родителей, либо вывели сами?

— Я стараюсь не осуждать людей. Говорят: не судите, ибо таким же судом судимы будете. Когда встречаешься с читателями, кто-нибудь обязательно спросит про Фадеева, примется его обвинять. В таких случаях я говорю, что с мертвыми счетов не союзу: Александр Александрович умер другом нашей семьи и для меня останется им навсегда. Мне претит

пример, над нарским эпосом мы работали вместе, поделив между собой подстрочник. Да Либединскому и некогда было этим заниматься, он писал свою трилогию.

— Но пришло время, когда вы стали публиковать собственные сочинения. Среди них есть книжки о Герцене и об Огареве, работая над которыми вы наверняка обращались к первоисточникам. Готовы ли вы рассеять или подтвердить легенду, что ваши герои были любовниками?

— Готова.

— Неужели подтвердить?

— Нет, конечно же, рассеять. Какими любовниками? У того и у другого было столько женщин!

— Как известно, одно не всегда исключает другое.

— Нет, нет, это чепуха. Надо сказать, я просто обожаю Герцена, иногда себя спрашиваю: с кем из классиков могла бы завести роман? Безусловно, только с ним. С Толстым — с тоски зачахнешь, будет тебя точить каким-нибудь «не могу молчать».

— С Блоком не хотелось помучиться?

— С ним было бы очень тяжело. А с Герценом — замечательно: никакого заурядства, только легкость и потрясающая игра ума. Всех почему-то интересуют постельные дела Блока — ни Герцена, ни Огарева никто не читает. Между тем биография Александра Ивановича — настоящий приключенческий роман, начиная с момента, когда его мать, беременная, в мужском платье, приезжает в Россию с Яковлевым. А похищение невесты! А эта возвышенная, прекрасная дружба с Огаревым!.. Уж не знаю, какими они там были любовниками, впервые об этом слышу.

— Коль речь зашла о любовниках, скажите, Лидия Борисовна, почему, в отличие от музыки Пастернака Ольги Ивинской, вы не «легализовались» в качестве музы Михаила Светлова? Может быть, вы не были свободны во время вашего романа?

— Нет, была свободна. То есть, мы познакомились в 42-м году, потом, когда я вышла замуж, все это кончилось: тут уж было не до романов, началось, так сказать, семейный роман на многие годы. Миша пришел буквально через несколько дней после смерти Юрия Николаевича и просидел около меня целый день. Затем уехал в Ялту, а когда вернулся, мы стали видеться почти ежедневно.

А легализоваться — зачем? Я даже просила Светлова снять посвящения со стихов, написанных мне.

— Он умел красиво, романтически ухаживать?

— Это была своеобразная романтика — я бы сказала, ироническая. Никогда не дарил цветов, но мог принести картофелю.

Нет, все-таки он умел делать своеобразные жесты. Мог среди ночи сорваться вдруг куда-нибудь во Внуково, в ресторан, а на обратном пути как ребенок радовался красивому восходу. С ним было очень хорошо и весело. Хотя он сильно пил, это пьянство не тяготило окружающих — знаете, во хмелю некоторые становятся невыносимы, отвратительны, а Светлов — нет. Ну заснет в крайнем случае — только и всего.

— Вы поучаствовали в таком занятном издании, как «Дом на две улицы» — сборнике о Центральном Доме литераторов. В нем, казалось бы, освещены все стороны писательской жизни от питания до брития. Однако обойден молчанием уникальный феномен: писательская жена (на внутреннем жаргоне именуемая «жопис»). На какие, по вашему мнению, виды и роды подразделяются жены писателей?

— На поб.душек и нормальных женщин. Вообще много поб.душек. Катаев, например, женился на настоящей проститутке из «Националя». Красивая женщина. Кстати, нормальные писательские жены, в общем, довольно несчастны, им всем изменяли. Каверин мне как-то сказал: «Эх! Не был бы я женат, я бы такое про женщин написал!..» У него была тьма романов.

— Когда-то в юности, если не в детстве, вы написали (правда, не отправили) письмо Сталину.

— ...У нас крыша протекала, я хотела, чтоб ее отремонтировали.

— Если бы существовал человек или инстанция, способные выполнить любое пожелание, то чего бы вы попросили сегодня?

— Чтоб восстановили такси по доступным ценам. И еще — чтобы все были здоровы, конечно.

АНДРЕЙ ЗАМАХИН

это обливание грязью и тех, кого уже нет, и времени, в которое мы жили, умудряясь быть счастливыми. Когда селят на нынешние трудности, хочется спросить: а когда было легко? Наше поколение всегда относилось к трудностям спокойно. Не было, предположим, в доме серебряной ложечки, чтобы отнести ее в торгсин и купить сахару, — пили несладкий чай. Нечего было есть, кроме моржовой колбасы, — ели эту колбасу.

— Неужели из настоящего моржа?

— Из настоящего моржа. Это было в начале коллективизации, когда разразился страшный голод на Украине. В Москве случаев голодной смерти как будто не отмечалось, но прилавки опустели, а поб.обные «деликатесы» выдавались по карточкам.

— В своих воспоминаниях вы приводите слова Фадеева, сказанные уже после смерти Сталина в дружеском кругу: «Нужно беречь писателей! Интересно было бы подсчитать, сколько у нас осталось писателей, вступивших в Союз до тридцать восьмого года». Кто же должен был их беречь, если Союз возглавлял он? Вам не кажется, что он выглядит фразером?

— Может быть, и так. (Должна только заметить, что в 37-м году Фадеев не руководил Союзом.) Этому поколению вообще свойственна патетика. Они были своего рода сумасшедшими, верующими до самозабвения, поэтому после XX съезда и начались самоубийства. Когда Фадеев застрелился, про него очень точно сказал Светлов: «Всю жизнь стоял на часах. А выяснилось, что стоял на часах у сортира...»

— Безусловной ценностью советского общества всегда провозглашалось женское равноправие. Но не сталкивались ли вы с проявлениями сексизма? Не обнаруживали ли, например, литераторы-мужчины пренебрежительного отношения к работе своих коллег-женщин?

— Нет, скорее я сама устраивала себе такой сексизм: пока был жив Юрий Либединский, не печатала ни строчки. Я понимала: раз муж — известный писатель, то обязательно скажут, что он тянет жену, что ее печатают по протекции.

— Вы совсем не писали?

— Очень много переводила, особенно с языков кавказских народов, просто переводы выходили под его именем. А, на-